

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИМ

**АКЦИЯ
ПРИКРЫТИЯ**

**ПЕШКА
В БОЛЬШОЙ ИГРЕ-2**



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Орловой Анастасии

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Акция прикрытия. Пешка в большой игре—2 : роман /Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-097480-1

Опальный генерал Верлинов («Пешка в большой игре») возвращается в Россию, чтобы поддержать Управление охраны Президента в конкурентной борьбе с «традиционными» спецслужбами.

Но Верлинов — не тот человек, который решает все силовые вопросы чужими руками. Если требуется, он способен сам уничтожить и ликвидатора ГРУ, и вражеского шпиона, и отряд бандитов-чеченцев. Именно поэтому под его началом оказываются лучшие офицеры российских спецслужб.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097480-1 © Корецкий Д. А., 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава первая

Округлый черный предмет отчетливо выделялся на лазурной, расцвеченной солнечными бликами поверхности Эгейского моря.

— Вот он! — Пилот полицейского вертолета чуть повернул штурвал, входя в пологий вираж.

— Похоже, — мрачно отозвался наблюдатель, прикладываясь к биноклю. Именно он должен был первым заметить объект поиска. Потому что вся операция по задержанию крупной партии наркотиков закрутилась на основании его рапорта. Тридцать инспекторов, двенадцать негласных сотрудников, четыре катера, плюс поддержка двух сторожевиков военно-морских сил...

Несколько миллионов драхм — псу под хвост: захваченная по всем правилам проведения специальных операций шхуна оказалась стерильно «чистой»!

Что может сказать в свое оправдание инициатор перехвата инспектор Иорданидис? Что осведомитель Зоркий исключительно надежен и его информация подтверждалась в девяноста пяти случаях из ста? Это всего-навсего слова, которые ровным счетом ничего не стоят.

Что рыбаки успели выбросить груз за борт? Годится в качестве рабочей версии, но опять же — нужны подтверждающие факты. Вот почему инспектор занимает место рядового наблюдателя и уже два часа с высоты триста шестьдесят метров до боли в глазах вглядывается в отблескивающую водную гладь.

— Берег-3, Берег-3, я — Глаз, обнаружен резиновый бурдюк, — сказал Иорданидис в микрофон рации.

Дело сделано! Какая разница кто первый заметил? Главное, что выброшенный груз существует... Он заметно воспрял духом, голос повеселел.

— На траверзе южной оконечности острова Тинос. Три километра к востоку. Поторопитесь, здесь сильные течения! Да, мы сбросим цветовую шашку.

Инспектор удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

— Давай пометим это место, дружище, — доброжелательно предложил он пилоту. — Иначе наш героин может потеряться еще раз.

— Если это героин, — индифферентно отозвался пилот и протянул желтую банку, напоминающую упаковку для консервированных сосисок. — Дерните шнур и бросьте вниз. Точность практического значения не имеет: пятно получается достаточно большим.

Заканчивая вираж, вертолет по спирали скользнул на триста метров вниз, распугав кружившихся над черным предметом чаек. Иорданидис нажал стопорную ручку, инстинктивно подался назад от ворвавшегося плотного потока рассекаемого винтами холодного утреннего воздуха и не приглушенного обшивкой грохота двигателя, но тут же пересилил себя, распахнул дверцу пошире и, выглянув наружу, метнул шашку.

— Давай пониже, дружище, — в голосе инспектора вновь появились напряженные нотки. Увиденное внизу чем-то ему не понравилось.

— Даю!

Вертолет провалился еще на тридцать метров, приблизившись к расплывающемуся желтому пятну. Краситель не замутнял прозрачность воды, скорее контрастнее выделял очертания обнаруженного предмета.

— Не очень похоже на героин, правда, дружище? — хмыкнул пилот.

Иорданидис оцепенело молчал. Теперь он отчетливо видел раскинутые руки и ноги, затопленную голову.. То что он принял за бурдюк с наркотиками, на самом деле оказалось трупом человека, облаченного в гидрокостюм. Солнечные зайчики невинно играли на мокрой резине.

* * *

За тысячи километров от острова Тинос плескались о берег Камышевой бухты мыса Херсонес свинцовые волны Черного моря, оправдывающего в ноябре свое название. Мокрый песок покрылся зеркальной ледяной коркой, на линии прибоя шелестела белая шуга, даже смотреть в сторону воды было зябко.

У стандартных зеленых, с красными якорями ворот маялись под пронзительным ветром мужчина и женщина средних лет, явно сельской внешности. Уже полтора часа они разговаривали с выходящими из части матросами, но ничего не добившись, попросили мичмана на КПП пропустить их к командиру. Дежурный позвонил по внутреннему телефону, и хотя для приема родителей существовали специальные дни и занимался этим обычно зам по работе с личным составом, командир распорядился немедленно доставить посетителей к нему.

В аскетическом, чтобы не сказать убогом, кабинете мужчина и женщина увидели высокого сухопарого человека в морской форме с погонами капитана второго ранга. На самом деле сидящий за столом и внимательно разглядывающий вошедших Сушняков имел звание подполковника госбезопасности, потому что возглавлял морское отделение одиннадцатого отдела КГБ СССР, замаскированное под обычную флотскую часть и форма являлась одним из элементов маскировки. Ничего этого посетители, естественно, не знали. К тому же их интересовали более прозаические и куда более важные вещи.

— Мы к сыну приехали, к Васе Тимофееву,— начал мужчина, привычно стащив с головы шапку.— Заранее списались и договорились. А его нет! И никто не говорит — где.

— И напарника его нету,— вступила женщина.— Феди Прокопенко. А матросики глаза в сторону отводят и не говорят ничего!

— Вот жена и заволновалась: не случилось ли беды...— Мужчина переступил с ноги на ногу.— Ну и я, конечно... Сын как-никак!

Сушняков вздохнул.

— В походе они. Жаль, что зря проехали, но что поделаешь — служба есть служба! Сейчас вас накормят, оплатят дорогу и отвезут на вокзал. Я распоряжусь.

— Так, значит, ничего не случилось? — не успокаивалась мать.— Все в порядке у него? Живой, здоровый?

Ей не нравилось, что командир не смотрит в глаза, как и те матросы, у которых они пытались расспросить о Васе.

— В походе,— повторил Сушняков, закапываясь в бумаги.

Наступила томительная пауза.

— Пойдем, Варвара, сказали же тебе,— мужчина взял ее за руку.— Чего время у занятых людей отнимать!

Он испытывал робость перед начальниками и стеснялся настырности жены.

— Ничего не случилось? Живой он, здоровый? — как заведенная продолжала повторять женщина.— Вы мне точно скажите!

Подполковник в форме капитана второго ранга поднял голову.

— Все в порядке, не волнуйтесь. Ваш сын живой... И здоровый...

Мать обмякла и позволила мужу вывести себя из кабинета. Помощник дежурного повел родителей старшего матроса Тимофеева в столовую.

— Это у нас Аллея боевой славы,— на ходу пояснял он.— А это плац.

Ветер прекратился. Зато пошел крупный, хлопьями, снег.

* * *

Через час в неровном желтом пятне цветового маркера покачивался на мелкой волне полицейский катер. Не-высокий, начинающий полнеть капитан с недовольным лицом то и дело поворачивал штурвал, стараясь чтобы ют все время оставался с подветренной стороны. Там врач и два криминалиста осматривали распухшее тело утопленника.

— Переверните, чтобы лицо попало в кадр... Хорошо...

Обычный для Средиземноморья осенний норд-ост рвал полы плащей, поднятые воротники плохо защищали сухопутных крыс, презрительно рассматриваемых капитаном, связывавшим с ними неприятности сегодняшнего дня.

— Руки крупным планом... И вот какая-то дырочка на груди. Вроде прокола...

Все трое были в респираторах, поэтому голоса звучали глухо, только затвор мощной фотокамеры щелкал четко и резко.

— Доктор, разрезать костюм?

— Нет, подробное исследование в морге. Тем более надо успеть осмотреть второго...

В полумиле к югу имелось еще одно желтое пятно — более интенсивной окраски и четкой формы, потому что красящую шашку сбросили совсем недавно, когда усиливший бдительность Иорданидис с помощью бинокля рассмотрел в прозрачной аквамариновой толще неподвижно зависшую тень, напоминающую очертаниями человеческую фигуру. Второй труп тоже оказался облаченным в черный гидрокостюм и акваланг, вес которого и

удерживал покойника на глубине двух метров. Через пару дней гнилостные газы преодолели бы тяжесть дополнительного груза — этот эффект, хорошо знакомый служащим морской полиции и судебным врачам, не позволяет надежно прятать концы в воду.

Парящие кругами чайки наблюдали, как матросы с надувной лодки заводили сеть и кран-балкой втаскивали аквалангиста на борт катера. Теперь два распирающих черную резину тела лежали рядом на вымытых добела досках палубы. По лицу продолжающего манипулировать рулем капитана можно было определить, что он считает свою посудину безнадежно оскверненной.

Процедура осмотра повторялась, вновь щелкала фотокамера, криминалисты в прозрачных разовых перчатках привычно ворочали мертвеца.

— Они погибли в один день, — ни к кому не обращаясь сказал доктор. — Уверен, что и причина смерти окажется одинаковой.

Криминалисты переглянулись. Гидрокостюмы и акваланг явно иностранного производства, на поясе одного утопленника боевой нож, у второго — пустые ножны. Вряд ли оба просто захлебнулись. Совершенно ясно, что это не рядовое дело.

Места обнаружения трупов обозначили буйками, надувную лодку подняли на палубу, катер взял курс на берег. Только желтые, постепенно светлеющие и все более расплывающиеся пятна напоминали о происшедшем. Они сохранились до вечера: специальная краска маркировочных шашек очень устойчива к морской воде.

* * *

В Москве было пасмурно и зябко, дул пронизывающий ветер, срывался сухой колючий снег, больно секущий лица прохожих, отчего на мучнистого цвета коже

проступало подобие румянца. Суесящиеся в вечной толчее мегаполиса люди, в основном, являлись жертвами перестройки, потому что преуспевшие в экономических и политических реформах катили по городу в теплых комфортабельных лимузинах.

Защищенные бронированными бортами специальных ЗИЛов и высокочлассными профессиональными телохранителями из Главного управления охраны, мчались по государственным делам руководители государства, в представительных «Линкольнах», «Фордах», «Вольво» под частной охраной отставников силовых структур спешили делать деньги бизнесмены, в «Волгах» из гаража Федерального Собрания торопились к законотворчеству депутаты, в «Мерседесах» и БМВ мчались на разборки бандиты, в самых разнокалиберных экипажах как отечественных, так и иностранных марок, а то и просто в такси поспешали по вызову дорогие проститутки.

Зачастую их пути и интересы пересекались — в одной машине могли оказаться крупный руководитель и глава мощной преступной группировки, известный политик и миллиардер из «новых русских», удачливый рэкети́р и милицейский генерал. Во взбесившемся перестроечном мире были возможны любые сочетания, потому что партийно-советская кастовость и иерархия номенклатуры ушли в прошлое, так же как борьба за «чистоту рядов», а моральные принципы и представления о чести и достоинстве были уничтожены еще раньше, теперь все определяли два фактора: безнаказанность и общность интересов. Интересы же бывшего советского, а ныне российского человека особым разнообразием не отличаются и сводятся к удовлетворению собственных физиологических потребностей, желательны за счет избирателей, налогоплательщиков, серой солдатской массы и прочих олухов.

Поэтому победители эпохи перестройки занимались в резво бегущих автомобилях одним и тем же: считали деньги, причем не российские рубли, а доллары и марки,

поправляли уставшие организмы ароматным коньяком или, в зависимости от пристрастий, прозрачной чистойшей водкой, по правительственной или коммерческой спутниковой связи договаривались о встречах для дачиполучения взяток, обедах или ужинах, любовных свиданиях, улаживали нескончаемые и столь важные хозяйственные дела, дозаряжали и в последний раз проверяли оружие, тискали обтянутые скользким нейлоном женские бедра и колени, а то и приправляли походно-транспортный, но от того не менее сладкий минет, обсуждали с соучастниками планы преступлений, продумывали как лучше обмануть партнеров по бизнесу, готовили заговоры и интриги — словом, делали то, за что в недавние времена подлежали расстрелу, многолетнему тюремному заключению или, по крайней мере, исключению из партии, снятию со всех постов и гражданской смерти.

Сейчас, правда, на смену гражданской с высокой долей вероятности пришла возможность обычной, биологической смерти насильственного характера. Ежедневная криминальная хроника приучила к мысли, что убить могут кого угодно. Бизнесменов каждый день расстреливают в офисах или подъездах собственных домов, взрывают в машинах, крутым отпетым бандитам всаживают пулю в лоб или затылок еще более крутые и отпетые. Наиболее благополучна судьба политиков и проституток — их не отстреливают в массовом порядке. Наверное потому, что и с теми и с другими легко договориться.

Полковник госбезопасности Дронов выгодно отличался от пассажиров тысяч других рассекающих столицу машин. Он не посадил рядом с собой ни политика, ни миллиардера, ни проститутку, не похмелялся на ходу, не решал по спецсвязи личных проблем, не имел при себе валюты и даже оружия, положенного по роду деятельности. К тому же думал он исключительно о службе.

Во многом это объяснялось тем, что более полугода, пока шло служебное расследование и уголовное след-

ствие по делу о бывшем одиннадцатом отделе КГБ СССР, он находился в подвешенном состоянии и пребывал в полном неведении относительно своей судьбы. Лишь неделю назад полномочная комиссия при директоре ФСК вынесла заключение о полной непричастности Дронова к злоупотреблениям генерала Верлинова. Больше того, было признано, что он принял решительные меры для предотвращения ухода генерала-изменника за кордон и наведения порядка в подразделении.

Сегодня Дронов получил назначение на должность начальника отдела и полковничьи погоны. А потому его переполняло желание хорошо зарекомендовать себя в новом качестве и оправдать доверие руководства. О посторонних вещах, а тем более о личной выгоде свежее испеченный полковник думать не мог — время для этого еще не пришло.

Неброская черная «Волга» с антеннами радиотелефона и специальной радиосвязи проделала неблизкий путь от центрального здания ФСК на Лубянке до штаб-квартиры Управления по безопасности специальных технических объектов в Юго-Западном районе столицы. Еще недавно комплекс зданий за глухим кирпичным забором назывался одиннадцатым отделом КГБ СССР, его многолетний руководитель генерал Верлинов почти добился полной автономии своего подразделения и собирался превратить его в Министерство внутреннего контроля, призванное покончить с коррупцией, преступностью, моральным разложением и распродажей России. Но в большой игре любая ошибка оборачивается поражением, а подчиненные генерала допустили ряд промахов...

Нового начальника ждали: едва автомобиль приблизился к стальным, выкрашенным в зеленый цвет воротам, как тяжелые створки распахнулись, будто сами собой. Вытянувшись в струнку, отдали честь охранники — в период реформаций недостаточное усердие может стоить места. А в том, что предстоит большая перетряска, никто не сомневался, в коллективе царил нервное ожидание.

Через полчаса Дронов собрал руководителей структурных подразделений на оперативное совещание.

— Порочная идея о самостоятельности нашего отдела закончилась тем, чего и следовало ожидать, — сурово сказал он, разглядывая напряженно застывших по обе стороны длинного стола подчиненных. — Политической авантюрой, служебными нарушениями и прямыми преступлениями, в том числе изменой Родине...

Полковник говорил ровно, строго и размеренно, умело делая паузы, усиливающие внимание слушателей. Неосознанно он копировал своего предшественника, и если закрыть глаза, то при известной доле воображения можно было представить, что совещание ведет Верлинов. С открытыми глазами даже самое богатое воображение не могло помочь: давно не глаженный костюм сидел на новом начальнике неловко, кончики воротника сорочки чуть загибались вверх, галстук, казалось, скрутится в трубочку, если снять аляповатую желтую заколку. В принципе эти мелочи не особенно бросались в глаза — так ходят три четверти руководителей, считающих, что костюмно-галстучный наряд придает респектабельность сам по себе.

Но сотрудники одиннадцатого отдела не успели забыть генерала Верлинова, который всегда смотрелся щеголем, независимо от того, одет он в гражданское или в форму. Умение одеваться с иголки было у него врожденным, как и породистость лица, значительность манер, весомость речи. Такие вещи не вручаются вместе с погонами. Верлинов выглядел генералом. Дронов же, с его простоватым лицом, грубыми ухватками и неистребимой, неосознаваемой, привычкой копировать руководство, даже бывшее и опальное, не тянул выше исполнительного и деятельного капитана.

— Бывший начальник планировал присвоение несвойственных отделу контрольно-надзорных функций, проводил недопустимые эксперименты по использованию землетрясений направленного действия, похитил специальное

снаряжение и оружие,— продолжал полковник.— Когда пришло время за все отвечать, он использовал служебное положение и на подводной лодке морского отделения попытался бежать за границу! Только наша бдительность и решительные действия матросов сорвали эту попытку. Изменник не остановился перед убийством тех, кто пытался его задержать, но и сам был уничтожен...

Стоящая в комнате тишина загустела и стала буквально гробовой. Присутствующие в самых общих чертах знали о происшедшем. Но последняя фраза оглушила, потому что содержала совершенно новую и в полном смысле слова убийственную информацию. После мгновения шокового оцепенения начальники подразделений и служб зашевелились, вдоль длинного стола заседаний прокатился возбужденный шумок. Начальник научно-экспериментального института Данилов ослабил узел галстука и вытер платком взмокревший лоб.

«Заволновался генеральский любимчик»,— отметил про себя Дронов и повысил голос:

— Следствие по делу Верлинова подходит к концу, но необходимо искоренить и питательную среду, сделавшую возможными его преступления! Я намерен разоблачить всех соучастников изменника и либо предать военному суду, либо просто выкинуть за ворота!

При этом полковник в упор смотрел на Данилова, и тот явно чувствовал себя неудобно.

— Как вы знаете, недавно у нас изменилось название. Это не просто техническая деталь — отныне задача Управления четко определена: обеспечение безопасности специальных технических объектов. С гигантоманией и несвойственными функциями покончено! Ряд служб придется расформировать или передать другим отделам и управлениям ФСК. Зачем нам морское отделение, служба информационного перехвата, ударная группа? Лучше усилить охрану спецобъектов, навести порядок в системе подземных коммуникаций! Там все запущено до предела

— по спецтуннелям шляются преступники и бродяги, завелись какие-то искатели приключений, которые ходят туда по выходным для развлечения, да потом еще дают интервью журналистам... И эвакуаторы заброшены, скоро в них пооткрывают платные туалеты и коммерческие ларьки!

В другое время собравшиеся могли улыбнуться, хотя бы мысленно: про туалеты и ларьки в эвакуаторах неоднократно говорил генерал Верлинов. Но сообщение о трагической судьбе генерала отбивало охоту к улыбкам — в большинстве своем сотрудники любили начальника одиннадцатого отдела и мало верили в его измену.

Дронов продолжал монолог еще десять минут. Он ставил задачи на перспективу, критиковал предыдущего начальника и весь одиннадцатый отдел в целом, обосновывал необходимость реорганизаций и сокращений — словом, добросовестно воспроизводил полученное полтора часа назад напутствие Директора ФСК. Хотя сам не был с ним согласен. И слова про упразднения, ликвидации и передачи в чужие руки собственных служб выдавливал через силу. Потому что ни один руководитель не любит сокращений штатов и ограничений полномочий своего ведомства, ибо в конечном счете это умаляет его авторитет, снижает вес в определенных кругах, сужает личные возможности.

Полковник прекрасно понимал, что если точно выполнить инструкции Директора, то от громадного сложного механизма власти, созданного Верлиновым, останется жалкий огрызок. Именно этого и добивается руководитель ФСК, которому совершенно не нужен могучий монстр, грозящий в любой момент выйти из подчинения. Но здесь интересы Директора и Дронова резко расходятся. Никто не называет кочерыжку кочаном капусты. Точно так же, урезанное мощное Управление превратится во второстепенный отдел. Неминуемо снизятся «потолки» званий, упадет роль начальника... Значит, никогда не бывать Дронову членом коллегии ФСК, никогда не получить генеральские по-

гоны! И хотя открыто выступать против предложений Директора Дронов не мог, но он не собирался рубить сук, на котором сидит. Способы сохранить штаты, силу и мощь Управления предстояло продумать. А пока полковник прилежно говорил то, чего от него ожидали. Тем более что дело было привычным.

* * *

Секретное заседание правительства Республики Греция посвящалось страшной находке у острова Тинос. Докладывал министр общественного порядка Папатемелис — высокий грузный мужчина с редкими волосами, тщательно уложенными один к одному поперек отчетливо различаемой лысины.

— Изложенные выше факты позволяют сделать вывод, что мы столкнулись не с простым убийством, а с деятельностью специальных служб другого государства, — закончил он свое выступление и, собрав несколько листов с машинописным текстом и строгими грифами в черную кожаную папку, опустился на мягкий стул с высокой резной спинкой.

В огромном зале наступила тишина. Косые солнечные лучи били в узкие, под потолок, окна, высвечивая летающие в воздухе серебристые пылинки и отражаясь зайчиками от зеркального узорчатого паркета. Премьер-министр Папандреу обвел взглядом членов Кабинета, восседавших вокруг массивного дубового стола. Аккредитованные при Доме правительства журналисты острили, что если министров одеть в доспехи, они напоминали бы рыцарей короля Артура. Сейчас ни одного газетчика здесь не было.

— До сих пор ничего подобного у нас не происходило, — словно размышляя вслух, произнес министр по делам Эгейского моря Кадакас и поправил очки в тонкой оправе, дымчатые стекла которых придавали моложавому